

Станислав Хабаров

ОСТРОВ НАДЕЖДЫ

Станислав Хабаров

Остров надежды

«Издательские решения»

Хабаров С.

Остров надежды / С. Хабаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831512-1

В наши дни хочется дополнить библиотеку приключенческой познавательной литературы Жюль Верна. О чём обязательно бы написал в наше время для подростков этот замечательный писатель-фантаст? Несомненно он бы не пропустил тему космоса. «Остров надежды» восполняет этот пробел и написан для подростков о приключениях в космосе.

ISBN 978-5-44-831512-1

© Хабаров С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Остров надежды

Станислав Хабаров

© Станислав Хабаров, 2019

ISBN 978-5-4483-1512-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

– Прекрасно. Просто удивительно, – произнёс Жан. – Я совершенно не чувствую морской болезни. Космической болезни, – поправился он.

Ему теперь постоянно приходилось поправляться. Он чувствовал себя как артист и ему хотелось покрасоваться, но нужно было поправляться и одергивать себя. Не в цирке же и не на имитаторе в «Клубе знаменитых капитанов». И приходилось убеждать себя, что всё ожидаемое произошло: он в настоящем полете.

Софи тоже сносно себя чувствовала. Нет, было и что-то и неуловимо дискомфортное. Оно приходило и уходило и трудно было сказать – чем ещё дело закончится? На лекции в Ассоциации она услышала, что состояние вестибулярного аппарата в невесомости – итог его земных тренировок и детской подвижности в особенности. Она подхватила эту мысль и даже развила ее по-своему. Но то была лишь теория, а жизнь есть жизнь. Вот и она, в детстве бывшая тихоней, а теперь чувствовала себя совсем неплохо.

Нет, все же кое-что нехорошее было: легкое головокружение. Вначале даже ей показалось, что стены падают на пол, а они спинами будто приклеены к потолку и пульт где-то внизу. Но отвязавшись от ремней, она не чувствовала тошноты и была этому бесконечно рада, хотя и понимала – это лишь первый шаг и старалась по совету врача: не дергаться, не делать резких движений головой, передвигаться спокойно, как сонная рыба в садке.

Софи боялась, что вот-вот первое возбуждение пройдет, кончится эйфорическое состояние и произойдет её настоящее знакомство с невесомостью. Возможно, малоприятное. Но всё-таки что-то было. Она чувствовала себя как при слабом отравлении. Она вела себя сдержанно, не вертела головой, не выглядывала в иллюминатор.

Сергей Мотин – командир корабля, считавшийся для остальных несомненным «звездным ассом» и совершивший второй космический полёт, чувствовал себя хуже пассажиров. Кровь как-то разом прилила к голове, и стало всё голова, одна голова, и в ней отдавалось и пульсировало. Он знал, всё наладится, невесомость строга к новичкам, в повторном полете организм что-то вспоминает из прошлого. Беда теперь заключалась лишь в том, что этот полёт – двухсуточный. Улучшение в первом полете наступило у него только на четвертые сутки. Адаптация у всех тогда прошла с разбросом в день-два. И разом посвежела голова, улучшилась память, а в первые дни снимаешь, скажем, обычные десять показаний, то восемь из них помнишь точно, а в первых двух сомневаешься.

Он непрерывно сравнивал с первым полётом, хотя столько лет прошло. Был перерыв, и не только у него. Перерыв переживала космонавтика.

– Нет денег, – говорили им, – знаете, сколько стоит полёт?

Он знал, к сожалению, дорого. Так тянулось ни много – ни мало целых двенадцать лет. Никто не летал, но существовала очередь, и космонавты готовились, интриговали, старились и уходили на пенсию и из отряда. Станция была законсервирована, поднята на высокую орбиту до лучших времён.

Обещаемые улучшения растянулись на уйму лет. Страна оправлялась медленно и болезненно. Судьбы их резко изменились и обособились. Сергей разругался со всеми, вылетел из отряда и покатился по наклонной. Он пробовал разное: работал на севере, был пилотом батискафа, а потом вернулся обратно в Калининград, но не на фирму, а в парк.

В городском парке строился развлекательный Космосленд. Дело это шло ни шатко, ни валко, проект тормозился и буксовал. Уже появилось «финское лунное поселение» близ

Тампере с развлекательным отбором космонавтов, бассейном гидроневесомости, зелёными замкнутыми циклами. И это подстегнуло дело; во всяком случае было дано «добро» ряду отечественных аттракционов и среди них с реальным кораблем «Союзом».

В парк был доставлен сохранившийся музейный экспонат, из тех далеких времён, когда специально не делали макетов. Брался стендовый испытательный экземпляр и отправлялся в музей. Корабль привез представитель фирмы Женя Фазолов.

– Лётный корабль. Проводите проверку и в полёт.

– И полетим.

Сергею это запомнилось. А в самом деле – чем чёрт не шутит? И родилась сумасшедшая идея. Её, разумеется, пришлось осовременить и подукрасить – повезти в платный вояж туристов – пассажиров, подзаработать для страны родной. И закрутилось: полет нарекли коммерческим, подключилась Франция, которая намечала когда-то долговременную программу, но дело постепенно замерло. Полетов не было, а продолжались конгрессы и конференции и даже встречи ветеранов. На одну такую в Тулузу пригласили и его Мотина, как бывшего космонавта, когда-то готовившегося по совместной программе, а теперь работающему из калининградского развлекательного городка.

В Тулузе на секции длительных пилотируемых полетов переливали из пустого в порожнее и обсуждали нереальные проекты вроде полета на Марс и в троянские точки Юпитера. И вот тогда, когда всё всем надоело, выступила молодая учительница Софи Эдери из Клермон-Феррана и заразила всех энтузиазмом, молодостью, энергией, бившей через край. Она выступила с собственным исследованием о детской стадии подготовки к жизни в невесомости.

На заключительном банкете они случайно оказались рядом И, объясняясь по-английски с грехом пополам, убеждали друг друга, что конечно лететь стоит именно им, и это тоже вошло в будущий полет, в число его составляющих.

Затем немислимое случилось. Ассоциация пилотируемых полётов вместе с КНЕС нашли какие-то деньги и устроили конкурс, и победила опять-таки учительница Софи Эдери и среди школьников Жан Пикар из Тулузы. Потом шли долгие переговоры об оплате, о полёте, создавалось уже полное впечатление, что всё сорвалось, и вот когда, наконец, в этом вроде все убедились, всё разом повернулось к лучшему и понеслось. И в результате они оказались в космосе.

Всё и теперь, и накануне старта напоминало Сергею прежний полет и одновременно от него разительно отличалось и походило на где-то читанный фантастический рассказ о том, как ушли в историю героические времена и, собирая ракету, бедолага-космонавт размышляет: что вот-де прохудилась ракета и нужно бы её подлатать, эту систему подтянуть, а этой части вообще теперь не достать и полетим без неё, а что поделаешь, такова жизнь. А этот блок придется в полете регулярно перепроверять, очень уж он врёт... А если всерьез, то может оттого у него и получилось, что все, с кем он когда-то начинал, а теперь по делу общался, к тому времени вышли в начальники, а его воспринимали неудачником и старались ему помочь.

От идеи до полёта – дистанция огромного размера: многое нужно заменить и испытать, но часто проще разрешить проблему в полете, чем получить одобрение на Земле.

Перед самым стартом они жили в гостинице «Космонавт» на Байконуре. Здесь было пусто. Бассейн не заполнен водой, и двое-трое из обслуживающего персонала. Но повезло. Както вечером Сергей машину достал и объявил:

– Поехали.

Как объяснить, что здесь стало элементом везения – достать элементарный газик, в просторечии «козёл». Они уселись в него и понеслись по шоссе, и в стороне от дороги сиреневый в лучах заходящего солнца символом заброшенности стоял одинокий верблюд.

Стемнело. Ракета издали выглядела гигантской ёлкой. Аккуратно подсвечена; прожекторы высвечивали заданные этажи. Сергей попытался избежать избитых слов и сравнений,

но они всё-таки встречались: «Пусковой стол – размером с Красную площадь». Показывая, он гордился, чувствовал себя современным Хеопсом.

– Носитель подвешен в силовом поясе опорных ферм и, чтобы не качался, хвост закрепляют в четырех точках. Там и здесь.

Ночь на площадке показалась очень темной. В высоте сверкали огромные звезды, для Сергея знакомые больше по планетарию, для Софи, пожалуй, привычные. Ведь Тулуза с Клермон-Ферраном на той же южной широте. Фермы обслуживания были подсвечены не целиком, а местами. Проекторы меняли направления, согласно графика они освещали площадки подготовки ракеты.

Они попробовали обойти пусковой стол, огромный, открытый с трех сторон, подпертый исполинскими колоннами. Под ним развёзся гигантский газоотводный канал. Сверху громоздятся опорные фермы, кабельная и заправочные мачты, ферма обслуживания, и огни перебегают, перебрасываются по этажам, словно в мюзик-шоу. С землёй ракету пока ещё связывают рукава заправочных систем, газовых коммуникаций, электрические кабели.

Всё детально продумано. Когда на следующий день в помещении МИКа¹ их одевали в скафандры, параллельно велась заправка носителя. Из хранилищ по магистральным трубопроводам в ракетные баки нагнетались топливо и сжатые газы. Наконец, заправка была закончена, и их в автобусе повезли к старту. Всё свершалось теперь удивительно просто: надели скафандры, пожали руки и вперед без лишних слов. Сергею вспомнилось, как отправлялся он отсюда в прошлый раз: митинг, доклад Председателю Государственной комиссии, пожелания, цветы, улыбки. Теперь с ними только врач и инструктор.

Жан, когда они подъезжали, сощурил глаза, и огни сквозь ресницы струились лучами и расплывались. А Софи чуть лихорадило, и она молчала, хотя перед этим при облачении в скафандр болтала как попугай. От автобуса до ракеты пришлось тащить тяжеленные сумки. Не в космос, казалось, они отправляются, а в путешествие на каноэ или байдарках. Им разрешили взять продукты по желанию (и, конечно, каждый продумал чем будет угощать), и еще лишь личные вещи, потому что дефицит веса и их полет – шоу:..Ах, Земля! Какая она? Щёлк-щёлк... Предусмотрена встреча со станцией (пролетаем в пяти километрах ниже). Ах, станция! Где она? Щёлк, щёлк... Переговоры с Землёй и телесеанс. «Здравствуйте. Это я – Жан, демонстрирую акробатику в невесомости». И неперенный учительский урок. Вот и всё. Ура, программа полёта выполнена. Нет, мы ещё летаем полчаса. Теперь торможение, разделение, спуск. И вот уже послеполетная пресс-конференция: учительница, первый подросток-космонавт и вместе с ними их звездный брат космический асс и космический волк, что кому нравится.

Помахали рукой и в лифт. Одна из стенок лифта сетчатая и сквозь неё мелькают этажи (Чем не Эйфелева башня?), на площадках ещё работали специалисты. Последний этаж. Задержаться на последней площадке, постоять, посмотреть сверху вниз на землю какая есть, на степь, на освещенные здания вдали, на подъездные пути, на муравьишек-людей. За спиной их корабль под стеклопластиковым обтекателем.

– До свидания... Пока.

Осторожно, опустились на руках и заняли места в креслах корабля. Тотчас прошли волнения: ты точно в тренажере, и голос инструктора:

– Приступаем к проверке систем корабля и скафандров.

Корабль в это время живет собственной жизнью: шуршат вентиляторы, пощелкивают реле, в люке свет бортовых светильников.

---

¹ МИК – монтажно-испытательный корпус

– Снимаем защитные сапоги, отстыковываем переносную вентиляцию. Жан затащил почему-то сумку в СА².

– Давай-ка её в бытовой отсек.

В бытовом просторно, зеленоватые тона, разборный столик, окошко-иллюминатор со шторкой, диван, сервант (как у Стругацких: диван-транслятор).

– Послушай, Серьежа, можно я постартую в бытовом отсеке?

У Софи от волнения не ладится с русским языком.

С вами не соскучишься.

– Ты что?

– Пожалуйста, не ругай, если нельзя. Обещай, не будешь?

– Обещаю.

Все на местах, подстыкованы шланги вентиляции скафандров, воздух приятно холодит.

– Подключаю коммуникации, – включаю систему снабжения и очистки атмосферы, связь.

Закрываю люк.

Это – самое тяжёлое. Крышка все-таки 20 килограммов.

– Наддуваю воздухом БО³... Давление не падает.

Все в порядке. Есть герметичность... Проверяем исходное состояние СА. Кнопки, тумблеры, заслонки в предстартовом положении. На командно-сигнальных полях приборной доски горят транспаранты. На дисплее в центре доски проверяемые параметры. Быстро время летит, сообщили по связи: САС взведен.

Работает автоматика. Ракета подрагивает как норовистый конь. Продувка, закрыты дренажные клапана. Толчок – отходят кабель-заправочная и кабельная мачты. Теперь в случае аварии надежда только на САС. Сначала огненный зонтик восьми разом включившихся сопел вознесёт их

на километровую высоту, а дальше надежда на парашют. Конечно, такое – не дай бог.

Слава богу, пошло, наконец, необратимое. Хуже нет: собрался, проверился, настроился (в мыслях летишь), и вдруг тебе на: выходи, старт переносится. Легко сказать: «выходи».

«Зажигание». «Предварительная»... «Главная». Ракета дрогнула. Ослепительная вспышка смотрящим со стороны; земля гудит, дрожит воздух. «Старт» – опорные фермы расходятся. Голос оператора: пятая... десятая... пятнадцатая секунда полета... Полёт нормальный.

Это еще ни о чём не говорит. Бывали случаи. Произошла как-то авария носителя, а оператор по инерции повторял: все хорошо... полет нормальный...

А вот и голос инструктора:

– Ребята, ведите репортаж.

По позывному они – «Близнецы», но так ведь хочется обычного, неформального.

– Легко идём, устойчиво... Чувствуем, отделились боковушки... Сброс головного обтекателя... Отделение второй ступени... Перегрузки не ощущаются. Нет, Софи со мной не согласна – ощутила толчок... А теперь точно пихнули в спину. Включилась третья ступень... Солнце в СА. У вас темно, а у нас солнце на горизонте. Громко сработали пироболты.

– Есть. Произошло отделение. Горят «Сопла ДПО⁴». Как с невесомостью? Я на ремнях вешу, будто бы вниз головой. Ощущаем невесомость... всплыли над креслами... ожило все...

---

² СА – спускаемый аппарат.

³ БО – бытовой отсек, первоначальное название орбитального отсека корабля «Союз».

⁴ ДПО – двигатели причаливания и ориентации.

Как в «Синей птице» Метерлинка... Плывут карандаши... И бортовая инструкция точно павлиний хвост... распушилась веером...

– Ребята, счастливого полета.

И тут же включился ЦУП⁵ голосом Николая:

– «Близнецы», с выходом на орбиту. Начинаем работу. Как самочувствие? По нашим данным параметры систем, состояние борта – в норме... До связи на следующем витке.

– Орбита-то как?

Меряем. Снимайте скафандры, готовьтесь к тесту СОУД⁶... На связи? «Близнецы», успели померить... у вас срочный подъём орбиты. И прощание в шумах.

В том, что потребовался срочный подъём орбиты, не было ничего необыкновенного. Перед полётом предупреждали баллистики: солнце теперь активное, атмосфера «вспухла», возможно проседание орбиты и лучше повыше уйти. Стало быть, так и есть, хотя еще «бабка надвое сказала», пускай поточнее померяют. Только две станции задействованы на измерения. Умными стали: дорого, мол. Ретранслятор только в резерве. Дорого. А что теперь дёшево? Жизнь?

Сергей ворчал под нос больше из принципа и чтобы подбодрить себя. Всегда считали – дурной знак, когда на борту женщина.:

– Снимайте скафандры.

И сам хотел переодеться. Был бы один, вообще бы не переодевался, работал бы в белье. Главное, не стошнило бы. Ему по-прежнему казалось, что его подвесили над пультом вниз головой.

Хорошо бы теперь стянуть скафандр, поставить на просушку, и натянуть чистое сухое белье и шерстяной костюм... но некогда. Он только распахнул скафандр и высунулся из него, как стрекоза из старой оболочки... Ладно, хоть взлетели, а то ведь запросто могли застрять на старте и вернуться в исходное: повышенная солнечная активность, перегрев верхних слоев, возможен срыв, нырок и путешествие в тартарары.

Нет, слава богу, они на орбите, и всё зависит теперь от них, и в большей степени от него... Эта проклятая невесомость. В ней трудно сосредоточиться. Внимание, скомандовал он себе, – внимание в выдаче команд... Прямо-таки парадокс: летаем втроем и некому проконтролировать. В прошлом полёте они летали вдвоём и всё вместе делали, вдвоём, особенно выдачу команд. Теперь же некому подстраховать... Пассажиры...

Но что бога гневить. С пассажирами ему, пожалуй, повезло. Он помнил, как Николай, встретив его на переходе в ЦПК⁷, сказал:

– Видел твою француженку.

– И как?

– Комсомолка, спортсменка, красавица. Повезло, старик.

Он и сам понимал – повезло, а пацан задумчив, тих, замкнут. Он бы предпочёл отчаянного сорванца. Впрочем что там спрятано в его тщательно причёсанной голове?

За двадцать минут до их старта над космодромом пролетел «Мир». Задумано стартовать в одной плоскости, не для стыковки, а, как предусмотрено контрактом, пролететь на освещенной стороне под «Миром», наблюдать

и сфотографировать. В туристической программе это записано отдельным пунктом – свидание со станцией.

---

⁵ ЦУП – Центр управления полетом.

⁶ СОУД – система ориентации и управления движением.

⁷ ЦПК – Центр подготовки космонавтов.

Ладно, нельзя отвлекаться, нужно сосредоточиться. Тест выполнен без замечаний. Впереди сеанс связи, последний сеанс, если не используют ретранслятор. Дальше корабль уходит из зон прямой видимости. С седьмого по тринадцатый витки наземные пункты «Союза» не наблюдают, а по программе у них – сон. Но так планировалось «до того» и был резервный вариант при срочном подъёме орбиты. Вошли в зону связи.

- «Близнецы», как слышите меня?
- На связи. Слышим тебя, «Заря».
- Как дела на борту?
- У нас всё хорошо, Николай. Тест нормально прошёл.
- Примите радиограмму о маневре подъема орбиты.
- Готовы.
- Потом дадим вам последние известия...
- И музыку.
- Музыку обязательно, Сергей.

Это он нарочно добавил о музыке. Это все равно, что сказать: у нас всё нормально и не хватает лишь музыки. И о последних известиях тоже не зря. Значит всё на борту в порядке, не беспокойтесь, проанализировали.

- Кончается сеанс... Поднимайте орбиту... С богом... Как учили. Как меня поняли?
- Поняли тебя, Николай. Помним и твою поговорку: жизнь, а не малина... Ты не горюй, поднимем тебе орбиту...

И шумы. Теперь, как говорится, дело техники. Без связи лучше. Никто не мешает, не спрашивает: не забыл ли? Привыкли каждый вздох контролировать. Вдохнешь, и динамики разносят по центру, и не нужно делать хорошую мину при плохой игре... Да, почему при плохой? Игра у нас – хорошая. Как там Софи с Жаном? Придет ещё их время, а теперь главное сосредоточиться. Проверим ещё разок набор команд. Корабль старый, сделан по-старомодному... Надежно, мудро, без безусловного доверия ЭВМ. Набрал команды, проверил, сосредоточился. Теперь следует убедиться, как сориентирован, «на разгон»? Но только Земля под нами – сплошная облачность. Что же, не горит, подождём. Мелькнула Земля в разрыве облаков. Что это? По глобусу – океан и монотонность океаническая... Но вот мелькнули острова... и бег земли точно: «на разгон». Даю включение двигателя».

Зашелестело в чреве корабля. Фыркнул двигатель, пару раз всхлипнул и ровно застучал. «Нет худа без добра». Разве знал бы он при обычном полете так корабль? А вот пришлось самому его доделывать – пробивать, доставать, изготавливать, и знал он теперь корабль, как свой автомобиль, своими руками перебранный.

На 58-й секунде двигатель не выключился. Ничего. Он может выключить его вручную, но память подсказывала – случалось прежде – увы, «горе от ума». Казалось, следует выключать по инструкции, но существует у двигателя разброс, и интегратор не выключит, пока не набрался импульс. Он подождет еще чуть-чуть, не мешая автоматике, несколько секунд, и если нужно, вручную вырубит... Но подождёт все-таки.

Голова гудела у Жана. И обидно, что не от невесомости. Забывшись он подплыл к иллюминатору и стукнулся об обечайку. И от того была обычная земная боль и шишка на лбу, и он потом снова этим же местом стукнулся.

Жан боялся встречи с невесомостью, и дома задолго спал на наклонной постели, увеличивая наклон, и еще часами висел вниз головой на шведской стенке. А в полёте, когда наступила невесомость, ничего не почувствовал. Приборная доска, как и на земле, была перед ним, а не как у других «внизу» или «с боку». С невесомостью у него, словом, получилось на редкость хорошо, но его мучила жажда и хотелось в туалет. Но туалет или, как его называли офи-

циально, ассенизационно-санитарное устройство размещалось именно здесь, в орбитальном отсеке, где теперь вертелась «учителка». Не мог же Жан – каждые четверть часа её просить отправиться в спускаемый аппарат, где к тому же колдует командир, и затем менять мочеприемник, его ответную часть.

«И что о нём подумают?» Жан считал себя испытателем и умел терпеть. Но запрет всегда рождает желание и ему приспичило. И он кувыркался, показывая, что не испытывает вестибулярных расстройств. Он и в самом деле – не выдумщик и был испытателем. На очередном дне науки, попав в КНЕС, он записался на испытания, и потом неделю провёл в лежачем положении на ткани, расстеленной в бассейне, на воде.

Это тоже легло «лыком в строку». Он переделывал для себя русские поговорки и так их по делу и не по делу применял, что мало кто его в этом понимал. Перед полётом к нему вязались (по выражению Сергея) медики. Ах, эти медики... Их хлебом не корми... Психологическое потрясение подростка, несложившийся организм, плюс мутагенный фон (словно на земле нет более паршивых фонов).

На его родине не испытывавшие материнства старые девы, объединявшиеся обычно защитой кошек и собак, сделали своим знаменем лозунг. «Несформированный юношеский организм... Критический переходный возраст... Вы представляете последствия? К чему это приведёт?»

Жану повезло. Схлестнулись две медицинские школы – Берту и Тиксье, и их взаимное усекновение (минус на минус – плюс) и привели к успеху: Сошлись на том, что низкая орбита и всего двое суток полёта... и еще двадцать страниц обоснования со ссылкой на труды... Слава богу, всё позади, и остались лишь объективные трудности, как, например, сосуществование разных полов, и все неудобства с ними связанные.

Учителка – бессемейная. Обсуждали и её. Мол, у неё может родиться монстр или ребёнок обреченный и ослабленный, и вправе ли она как мать... как будущая мать... распорядиться теперь его судьбой?

Нетрудно сделать жизнь невыносимой. Живёшь себе, ходишь по тверди, дышишь, читаешь, ешь-пьешь, и нет у тебя проблем. Но лиши тебя мелочи, и она вылезает на первый план, как воспалившаяся заноза. И теперь, «чтоб ей лопнуть». Он вынужден объявить: «Мадемуазель, ступайте-ка

в опускаемый аппарат, потому что я должен сделать именно здесь пи-пи. Понятно вам?»

Когда Софи победила в конкурсе «Урок в космосе», она понимала, что это не конец, а лишь начало. Она слыла непоседой и путешествовала сначала в окрестностях Клермон-Феррана. Но раз попав в сталактитовую пещеру, почувствовала себя неладно. Не просто дискомфортно. Ужас накрыл её полностью, с головой. Пришлось преждевременно возвращаться. С тех пор Софи остерегалась стесняющих, замкнутых пространств, и это чувство не повторялось. Впрочем, она анонимно проконсультировалась и лечилась гипнозом. Её помещали в капсулы и под землей, и постепенно чувство страха исчезло. Софи успешно выдержала испытания в сурдокамере, и только теперь былое вернулось в полёте.

Всего пару дней назад, подлетая к Байконуру, она увидела страшную картину. В косых закатных лучах уходящего солнца земля под крылом показалась ей дном ушедшего моря... Безжизненность, странные потёки, меандры – русла бывших рек – рождали в ней странное чувство брошенности и бескрайней тоски. «Зачем она здесь? Это место не её».

Она взяла тогда себя в руки, уговорила себя не поддаваться, а дальше её подхватило и понесло, не давая возможности расслабиться.

Ночью, когда заботы схлынули, Софи вышла из гостиницы в сад. Журчала вода, пел соловей. Звезды казались огромными, словно вобрав всё окрестное свечение, превратили они ночь

во тьму. Соловьи прославляли мир, а она стремилась с Земли. Туда, где всё машинное и искусственное и невозможна полноценная жизнь. Зачем?

Перед стартом сняли земные одежды и надели медицинские пояса, подключили аппаратуру тестовой записи, регистрировали кардиограмму, пульс, дыхание. В соседней комнате на столах были разложены их скафандры, словно будущие их тела, ещё без душ, торопящихся покинуть Землю.

Последние разговоры и прощания велись через стекло. Они, словно рыбы в аквариуме, были отделены от остального мира и разговаривали через микрофон.

Пошли. К грузам добавились орхидеи в контейнере с корнями в питательной ткани. Прошли весь освещенный МИК. В руках чемоданчики вентиляции скафандра, личные вещи, сумки через плечо. Ни доклада, ни лишних слов. Помахали рукой и к старту.

Впереди подсвеченный шпиль ракеты... всё увеличивается... Остановка... От бетонных плит ещё веет дневным теплом. Последние шаги по земле, к лесенке, к лифту, что в клубах парящего кислорода... И вверх к кораблю. Там им привычно, как на тренировке в тренажёре.

Треск, болтанка, хлопки пиротехники, работа двигателя, последний толчок, Всплыли над креслами... Команда: «Снимаем привязные ремни»... И для неё чувство безысходности. Пульт не перед ней, а где-то сбоку, а она перевернута по отношению к нему, словно кто-то бесцеремонно схватил её и перевернул. Сопrotивление бесполезно, как во сне, и оттого безысходность.

Она взглянула на спутников. Жан – сплошь впечатления, на лице гамма чувств тринадцатилетнего подростка. Сергей спокоен и хмур, ни одной эмоции. Отчего он хмурится? Наверное, от ответственности... Ответственность и бесцеремонность:

– Марш в бытовой отсек.

Бытовой отсек, он же – орбитальный. Называют и так и сяк. Какой он большой в сравнении с СА. И снова – радостно, и она может улыбаться. Они с Жаном кувыркаются как школьники. Такое трудно представить Земле.

Жан – не её ученик. Они из разных городов – Тулузы и Клермон-Феррана... А этот невозможный Сергей просто вытолкнул их из СА. Отчего же он хмурый? Может неважно чувствует? Как же ей в голову это раньше не пришло? А она теперь чувствует себя прекрасно. Видели бы её ученики. Их «учителка», их «несравненная Софи» – богиней в космосе. Вернувшись, она рассадит всех вокруг и расскажет обо всем.

Её мечта – «География из космоса, из первых рук». Репортаж о том, что видит она сама. С нуля. На Земле она подготовит особый курс для пригостишек и особый класс, географический, по «Географии из космоса».

Как тянется время, когда ждёшь. Сергей ожидал выключения двигателя. У человека, к сожалению, нет внутренних часов. Время зависит от эмоций, а перед смертью, возможно, растянется миг в целую жизнь, которую назовут загробной.

Ещё секунды. Если тяга не средняя, то «поспешишь – людей насмешишь». Сколько раз такое уже было. Когда человек не доверял автомату. В третьем «Союзе» Береговой упорно переворачивал корабль, не веря автоматике, а при сближении – сплошные иллюзии и лучше довериться автоматической системе, а не «плыви, мой чёлн, по воле волн»... Ещё секунда, и я двигатель выключу...

Кресло и пульт успокаивают. Словно на тренировке – выйдешь и начнется разбор: для чего выключил двигатель? Можно было и не готовиться, лишь вспомнить навыки, а самочувствие от бога или неизвестно отчего. Как они там, в БО, его пассажиры? Он выключит двигатель и появится: «А вот и я – ваша тётя. Как дела?»

С Софи теперь было бесполезно говорить. Она была в эйфорическом состоянии. Она прекрасно чувствовала себя. Она, разумеется, понимала: от этих нескольких дней зависит вся её дальнейшая жизнь. И ощущения нужно запомнить, а ещё лучше – записать. Так уже устроен человек: явятся новые впечатления и сотрут предыдущие. А впереди у неё уроки из космоса.

Как начать? «Наконец я в космосе. Да, она в космосе, и никто теперь этого не отнимет у неё. Похоже совсем не плохо она освоилась в невесомости. Она представила себя взглядом со стороны: привлекательная, стройная, в меру гибкая, со строгим взглядом – настоящая космическая учительница, первая на Земле. Правда, в полётном костюме, с короткой стрижкой она скорее напоминает амазонку, а рядом ученик, который висел сейчас «вниз головой». Но может это она «вниз»? Между ними плавали карандаши, тетрадь, которые они заставляли скользить легкими толчками. В уроке нужно использовать этот космический антураж.

Конечно, можно начать иначе и показать Землю в иллюминаторе. Картинку огромного глобуса, вращающегося под тобой. И с Жаном комментировать виды Земли, тогда урок выйдет естественным. Жан, конечно, станет путаться, а она его ненавязчиво поправлять.

Или лучше сначала показать интерьер под необычным ракурсом – «Глазами мухи», и начать: «Я не учительница Софи Эдери. Я – муха. Вы мне не верите? Предлагаю, посидеть со мною на потолке». Человек привыкает к месту, к квартире, к классу. Мы входим в дверь, и видим привычное – стулья, столы. Но здесь я, как муха, могу сидеть «вверх ногами» на потолке. Давайте со мной взлетим на потолок.

Перед вами отсек космического корабля, превращенный в классную комнату... Небольшая доска, на ней пишет сейчас мой единственный ученик. Он сидит на диване, набитом электроникой. На Земле мы все привязаны к полу, а здесь я, как ведьма, взлетаю над учеником. Смотрите, Жан подо мной..

Нет, может не стоит с трюков, не хочется начинать с придуманного, как это сделал Армстронг, лучше с естественного гагаринского: «Поехали».

Итак... «Я – учительница Софи Эдери. Я волнуясь, начинаю урок. Наш корабль напоминает мне большое животное: он урчит, щелкает, шипит. Прислушайтесь. Слышите? Новый звук, и нам не безразлично – какой он? Ведь корабль – наш мир, наш обитаемый островок в безбрежности космоса. А рядом будут также естественные: кувыркаящийся Жан и хмурящийся Сергей».

Сергей усилием воли сдерживал себя. Вот он нажмёт «Выключение СКДУ⁸», слабым матовым светом вспыхнет клавиша. Двигатель, хрюкнув, выключится и наступит тишина.

Он протянул уже руку, и в это время ногами вперёд в СА въехала Софи.

– Постой, Софи. Погоди.

Его протянутая рука развернула её. Ноги её упёрлись в пульт, и тотчас вспыхнули клавиши нажатых команд. Воскликать было некогда, как и возмущаться. Он грубо схватил её и вытолкнул в люк. Взглянул на табло, а лучше бы не смотреть: импульс огромен. Ничего себе. Хорошенькая история. Куда теперь их занесёт?

Он выключил всё, прикрыл люк и задумался. На операторском языке Сергей совершал теперь мысленно «разбор полёта». Орбита низка, – сказали с Земли, – возможен срыв. Что это означало? Корабль касался эфемерных невидимых слоёв, но не замедлял, а ускорял свой бег, и так, ускоряясь и ускоряясь, в конце концов должен был превратиться в болид.

Вся его колоссальная энергия, вся работа, затраченная на выведение, превратятся в тепло, и корабль огненным шаром устремится к земле, но достигнет её разве что грудой оплавленных частей. Вот почему он немедленно включил программу маневра. Всё выходило, «как

---

⁸ СКДУ – сближающе – корректирующая двигательная установка.

учили». Он проверил построенную ориентацию: «На разгон». Двигатель заработал, однако не выключился, и именно в этот момент появилась Софи. По правилу «падающего бутерброда», она оказалась между Сергеем и пультом. Но почему двигатель не выключился? Во всяком случае орбита стала выше, и они не падают.

С Софи было бесполезно разговаривать. Она продолжала кувыркаться с Жаном в БО. Для них наступила временная эйфория. Время от времени один из них повторял строгим голосом: двигайтесь плавно, осторожно... не дергайте головой... И они принимались хохотать и кувыркаться. Не на учительницу это было похоже. Двое учеников, троечников, смешливых

и проказливых. Им обоим попала смешинка в рот. Переговаривались по-французски:

– Эй, командир, куда летим? Ты проверил курс? Разговорчики; нет дисциплины на корабле. Я приказываю вам срочно взвесить груз. Ах, пропал вес? Кто ответит за это? Разбазарили.

И они хохотали и кувыркались, замечательно чувствуя себя. Даже если не замечательно, то сносно, а командир, вытолкнув Софи, сидел себе в СА, как сыч, а это, как им казалось, и некультурно, и невежливо. Чтобы там не случилось. И что могло произойти? Не упали же они от этого вниз. Полёт продолжается.

Сергей был рад временному одиночеству. Он знал, что импульс велик, и это было одновременно и плохо и хорошо. Можно спокойно лететь, но хватит ли топлива на спуск? Опасность состояла не в том, что выработан неприкосновенный запас (особый запрет не позволял выработать всё топливо). Его бы с избытком хватило для спуска с расчетной низкой орбиты, однако не хватит, если «Союз» вознёсся слишком высоко.

«Дождусь сеанса связи и что-нибудь придумаем», – спасительно рассуждал командир. Земля подстрахует: проверит, проанализирует, всё разложит по полочкам. На связи Николай, он скажет обычное: «Жизнь, а не малина», хотя обычно говорят наоборот, и этим разом снимет напряжение. Но впереди массив глухих витков. И нужно успокоиться, нечего дергаться. Он должен успокоить экипаж.

Он вплыл в БО и по беспечным лицам убедился, что здесь никто ни о чём не догадывается. «Пассажиры» находились в особом приподнятом состоянии, что бывает и в начальной радостной стадии обычного и глубинного опьянения. Сергей улыбнулся и получил улыбки в ответ, и сразу понял: нет, не учительница была здесь с учеником, а пара проказников, только что авантюрно, а главное успешно сдавших труднейший и важнейший экзамен. Улыбнувшись, он их похвалил, и они разом начали парно кувыркаться, как дельфины в океанариуме, и демонстрировали «позу кучера», о которой Сергей рассказывал им на Земле. Весь расслабленный, плечи опущены, ноги и руки полусогнуты – так кучера часами ожидали седоков.

Затем Сергей поманил Жана и Софи к иллюминатору. Тяжёлым, невообразимо огромным шаром проворачивалась под ними Земля. Нет, невозможно её было даже сравнить с гигантским глобусом, охватываемым взором... Что-то необозримое, безжалостно монотонное напозало на них. Софи поразили краски Земли, их напоённость светом и чистотой, а Жан увидел блик – зайчик, что скользил по поверхности океана.

Софи не могла понять, где они летят, хотя специально готовилась к опознаванию. Впрочем ей снова сделалось не по себе: опять на неё что-то накатило и глухо отозвалось внутри.

Разумеется, Софи считала себя практичной женщиной. Несмотря на эмоциональную насыщенность первых орбитальных часов она понимала, что этих дней хватит ей потом «на всю оставшуюся жизнь». Она уговаривала себя, не раз повторяя про себя, что всё, чтобы с ней не случилось сейчас, ей следует пережить достойно. Да, это лишь – интродукция. О прочем свидетельствовали и её контракты, которые она заключила на шестьдесят часов после-

полётных лекций в Европе, Японии и Америке. Она специально готовилась к наблюдениям с высоты.

Подобрав карты масштаба орбитальных наблюдений, она вырезала из картона шаблон, ограничивающий поле зрения подобно иллюминатору. Медленно с разных сторон она скользила шаблоном по карте, и в преддверии полета считала, что узнает любое место планеты. Но теперь не узнавала. Незнакомая земля ползла упорно и, переворачиваясь, уходила под корабль. И это расстроило Софи. Напрасно она посчитала, что ей здесь очень хорошо. Возможно, ей скоро станет и очень плохо и выдуманный дохлый номер – её уроки и полёт. Что-то первобытно ужасное настораживало её и поднималось из самых глубин её существа

и хотелось спрятаться, убежать, вырваться, даже отворив люк.

Умом Софи, конечно, понимала, что полет очень короткий, и как могла уговаривала себя. В журнале она прочла статью о первой женщине-космонавтке, «Чайке». Вначале, пару десятилетий после полета ей повсеместно курили фимиам. Потом в считанные месяцы не оставили камня на камне ни от полёта (кому он был нужен и для чего?), ни от её героической личности (смаковалось неважное состояние, сонливость, бездействие и как её рвало, и не было к ней сочувствия и даже обычной житейской жалости).

Да, и Софи вряд ли гарантирован шадящий подход. Возможно, и её спутники предадутся позже воспоминаниям. И теперь, когда её контроли рвутся, бортовые приборы и датчики беспристрастно фиксируют все её реакции. Еще в Кельне, в Центре управления она отметила опеку наземных служб. Голоса астронавтов Шаттла разносились по космическому центру, и каждый их вздох и каждая нота были усилены. «Учти, Софи, – сказала она тогда себе, – ты – под стеклом на предметном столике, публика жаждет зрелища, и каждый вправе составить о тебе собственное мнение. В полёте ты только чуть принадлежишь себе. Не доверяйся никому, ни амикошонству, хотя не знаю, может ли это тебя спасти?»

Если быть точным, то можно сказать, что Жан первый день сносно чувствовал себя. Ни хорошо, ни прекрасно, а именно сносно. Шишки болели, мучила жажда, часто хотелось в туалет. Все хорошо, если в меру. На Земле миллионы сверстников завидуют ему. Но так бывает: ждёшь-ждёшь, а дождешься – не радостно, всё перегорело. Правда, приятное появляется в воспоминаниях потом.

Жалко, что рядом не было ровесников. Так бы хотелось, чтобы рядом, как при экскурсиях, оказалась его одноклассница Клер. Впрочем он смотрит и за себя и за неё, но к чему теперь напрасно фантазировать?

Земля внизу потемнела и наступала ночь. И тут вдруг близко, у иллюминатора он увидел красивый поворачивающийся предмет: разноцветная игрушка в космосе. Сравнить его было не с чем, и он казался ему совсем рядом. Но что это? Что? Неужели станция? Не может быть.

Накануне полета им объясняли: при старте станция в десяти тысячах километрах по полёту впереди. И на орбите она, вдвое удаленной от Земли, и чтобы достичь её необходима масса топлива. В этом полёте такая задача не ставилась. Но они смогут наблюдать и сфотографировать «Мир» на освещённой стороне. Между ними не будет земной туманящей атмосферы

и расстояние меньше скажется. Но вот чудо из чудес – станция оказалась вблизи. Может, это оптический эффект?

Тем временем картинка в иллюминаторе расплылась и растаяла и наступила полная космическая тень – первая получасовая их ночь в космосе. Ночь на орбите лишь теоретически продолжается полчаса, в том случае, когда солнечные лучи попадают в плоскость орбиты. Орбита в пространстве поворачивается, и временами получается солнечная орбита, когда солнце для космонавтов не заходит; и есть промежуточные положения орбиты и солнца, при которых тень составляет десятки минут.

Жан с нетерпением ожидал выхода из тени. Он на земле слышал о космических розыгрышах, суть которых состояла в том, что отсутствовал опорный фон, и предметы в иллюминаторе, которые не с чем сравнить, казались любых размеров.

Станция появилась яркая, зелено-красно-оранжевая на абсолютно черном бархате космоса. Она сверкала и поворачивалась. В том, что это была станция, Жан больше не сомневался. Однако как далека она? Он с любопытством разглядывал её плоскости солнечных батарей. Своим видом при их нынешнем положении она напоминала мельницу. Он и прежде видел ее на фотографиях, и у них был даже её макет (Масштаба 1:25). Он знал, что должен её обязательно сфотографировать, и такой момент нельзя пропустить.

Вновь и вновь, вспоминая всё и анализируя, Сергей Мотин ругал себя за то, что раньше не выключил двигатель. И теперь всплывало кошмаром ожидание и как он сдерживал себя, и как появилась Софи, въехав ногами в пульт, и как он её выпихнул. Это, как в лифте, когда загораживают фотоэлемент, так и хочется взять и переставить простака.

Слова при этом вряд ли помогут. На банкете в Тулузе они пробовали сделать комплимент сопровождавшему их секретарю: «Даниель – наш человек», но при их уровне английского получилось «наша женщина», а точнее по-русски «наша баба», и секретарь обиделась.

Безусловно по делу правильно, что он вытолкнул Софи, но при этом вырубилось всё командное поле, и это было ужасно. Теперь гадай, что разом включено? «Союз» их, конечно, – старомодная техника, но где такое записано, что по ней разрешается ногами ходить?

Сергей уже пробовал прикинуть высоту орбиты по периоду. Засёк прохождение береговой линии, и получилось – летели они очень высоко. Правда, он мог ошибиться; очень короткой была взятая основанием дуга. Но все равно картина выходила безрадостной.

Наверняка, топлива у них недостаточно для спуска. У Сергея даже мелькнула отчаянная мысль – подойти, сблизиться и состыковаться со станцией и от неё заправиться. Но он вспомнил, что их «Союз» очень древней серии; баки его автономны и не допускают стыковки топливных трактов. Если бы удалось состыковаться, можно снизить орбиту вместе

со станцией, а затем гарантированно спустить корабль. Но тогда (в случае удачи) погибнет станция. Перейдя на низкую орбиту, она войдет в плотные слои атмосферы и закончит своё внеземное существование. Хорошо, если оплавленные обломки выпадут в безлюдных районах Земли, а если нет? И всё равно – слишком дорогое удовольствие.

Был еще один, гипотетический вариант при удачной стыковке. В свое время в последнюю экспедицию собирались доставить на станцию так называемую тросовую систему. Именно она допускала бестопливное снижение корабля. Но где она? И возможно ли сближение? Достаточно для него топлива? И даже это – не главное. Запасов воды и воздуха должно хватить, если экономить, от силы на пять дней. Это почти тройной запас по программе намеченного полёта (при условии экономии). Как это сделать сейчас, не вызвав тревоги остальных? Двое суток планируемого полёта можно не беспокоиться. А дальше? Если ничего не изменится, они – пленники орбиты. Но об этом легко только в романе прочитать. Никогда, ни за что он не позволит себе стереть с лиц своих пассажиров восторженность, которую увидел в БО. Он возьмет лучше тяжесть истины на себя, а они пускай думают – всё в порядке, и мы ищем приключения.

Для Жана слова «станция Мир» – звучали так же, как паровоз Стефенсона или телефон Белла. Он знал, что станция была законсервирована и поднята на необычную для полётов высоту, где и пребывала в стерильной пустоте и гордом одиночестве. Время от времени с ней проводили сеансы связи, но время шло, и она старела сама по себе, представляя удобную возможность проверить ресурс систем. И хотя он был знаком в общих чертах со станцией «Мир» по описаниям и моделям, она была для него таким же космическим сюрпризом, как первый спутник или корабль «Восток».

В том, что он увидел её, он уже не сомневался и показал станцию Софи. Она опять чувствовала себя отвратительно – птичкой, попавшей в тесную клетку и не знавшей, как из неё вырваться. Временами Софи теперь казалось, что стены пульсируют: то сжимаются, надвигаясь на неё, то расходятся, и однажды безжалостно могут сойтись и их раздавить. Она только кивнула в сторону Сергея, пискнув: к первоисточнику. Так повелось у них с начала подготовки – к первоисточнику Сергею, их «большому справочному словарю».

Звездочка с усиками антенн – действительно выглядела станцией, теперь удалившейся от них. Она – глухая теперь. Перед тем, как на неё махнули рукой, её долго проверяли и испытывали. Потом у неё отказали СТР и РТС⁹, и она превратилась в «айсберг» – нежилой, запущенный, холодный дом. Но теперь она то удалялась, то приближалась и была в такой непосредственной близости от корабля, что стала опасной. Ничего себе, как их вознесло.

Жану очень хотелось попасть на станцию, хоть одним глазком взглянуть, какая она изнутри? И ещё так много новых возможностей сулит пребывания на ней. По контракту с лабораторией биоэнергетики он взял в полёт Биотерм с лягушечьей икрой, оплодотворенной для того, чтобы изучить, как действует на икру невесомость? Но ему пришла в голову

и своя «сверхидея», которую он смог бы на станции осуществить – отправить к планетам жизнь, сэкономив для них миллиарды лет эволюции. И не только икру, хорошо бы послать во Вселенную взрослую лягушку – земноводное, способное существовать в разной среде и даже замерзнув вынести необыкновенно долгую дорогу. Технологически транспортировка могла осуществиться вмораживанием лягушки в кусок льда.

Лед и внешне защитит, и сохранит саму её, и доставит к другим небесным телам крошечной кометой. И на Земле ведь лягушки зимой промерзают насквозь. А им ничего: размораживаются, через неделю готовы к икрометанию. Питается она затем чем придется. А в космос можно её отправить стандартным путём, через шлюзовую камеру станции.

Межпланетную лягушку-путешественницу можно выбросить в мусорном ведре со льдом. Внутри льда может сохраниться вода. Лед герметизирует, и в ледяной воде лягушка консервируется. Так можно расселить по Вселенной жизнь. Еда тоже может быть приморожена с лягушками. Что-нибудь быстро размножающееся, вроде мушек-дрозофил. Для них опять-таки приморозим еду. Словом, полный джентльменский набор. На все существуют простые и действенные методы.

Но как теперь действовать? Упросить, заставить, внушить? А внушить – значит мысленно приказать, представить себе и очень желать. Нет, он не отстанет от Сергея. Жан приоткрыл люк и вплыл в спускаемый аппарат. Под строгим взглядом командира он завис, плавно опустился в свое кресло, пристегнулся, краем глаза взглянул в визир и чуть не вскрикнул от радости. Они шли на стыковку. Жан в этом не сомневался. Перед ним выросли воронка стыковочного узла и стыковочная мишень.

Жизнь учительницы – не сплошные радости. Скорее, наоборот, зачастую чаще шишки и царапины, а иные из них не затягиваются совсем. Софи не привыкать к ударам судьбы. Она, конечно, перенесёт этот короткий полёт улыбаясь и не кляня судьбу. От других она требует лишь сдержанности. Можно было не толкаться и не делать скорбное лицо. Да, она виновата, что угодила в пульт. Но это не от неё зависело. К тому же они теперь так оторваны от мира и необходимо сдерживаться. Но ей не тринадцать лет, и Софи отлично понимала, что грубость мужчин бывает и признаком неравнодушия и даже симпатии и любви. А ей всего-то нужна сейчас капелька участия.

---

⁹ СТР и РТС – система терморегулирования и радиотелеметрическая система.

– Серьежа, – сказала она с трогательным акцентом, – не нужно ссориться. Я буду послушным юнгой на корабле. Хорошо?

Софи улыбнулась, как могла, но он снова нагрубил.

– Во-первых, не Серёжа, а командир, и во-вторых, если я приказал находиться в БО, то ступайте туда и не появляйтесь, пока я не позову.

Все мужчины – эгоисты и деспоты. Если бы он знал, как ей нехорошо, впору распахнуть люк. И она молится об одном, только бы скорее это закончилось. Чудом ли или любым образом забрали бы её из тесноты: она готова выплыть в станцию, выйти в космос, вернуться на Землю, только бы этот кошмар закончился. Софи была теперь целиком обращена

в себя, к себе прислушивалась. Она почувствовала толчок и ткнулась в ворсовую ткань, словно стенка надвинулась. «Начинается», – мелькнуло у неё в голове, хотя толчок в невесомости выглядел таким же резким, как при прыжке с парашютом встреча с Землёй.

Они не были созданы друг для друга – этот корабль и станция. Стыковка их не планировалась, хотя системы их и устройства не исключали её. Корабль «Союз» имел устройства сближения. Стыковочный узел со штырём, визир и ручное управление – допускали причаливание. Судьбой

и необыкновенным случаем занесло их корабль в зону непосредственной близости к станции.

Сергей вначале решил даже аккуратненько отойти, для этого и включил двигатели «на отход». Отойдя метров на двести, корабль завис. «Действуй не торопясь, обдуманно, – угаривал он себя, – спеши медленно». Хорошо бы успеть состыковаться со станцией на свету, хотя стыковка возможна и в темноте. Перед касанием на дальности в 20 метров нужно включить фару. И медлить нельзя: законы баллистики неумолимы и их обязательно разведёт. «Выдержит ли стыковочное устройство, проверен ли в достаточной мере корабельный стыковочный агрегат, который должны были испытать из общности; в каком состоянии ответная часть станции? – такие вопросы теснились у командира в голове. – Не возникнет ли так называемый „эффект хлыста?“ Не появятся ли опасные колебания? Стыковаться придётся ведь с неконтролируемой скоростью».

Он всегда мечтал вплыть в станцию. Не войти, как делал это многократно на Земле, а именно вплыть. Долго к этому готовился, но, увы, так и не сумел осуществить. Вся история его с разочарованием и уходом из отряда вышла не из-за здоровья, а просто характерами не сошлись. Так удобней думать ему, не сознаваясь, что «язык мой – враг мой». Получилось в конце концов: он что-то не так сказал, вспылал. Прошли, слава богу, злосчастные времена, когда сажали за разговоры

и бороться не было сил.

За что ему уважать АСЕ¹⁰? Смешно, но и у них в КБ и в ЦПК космонавтами командовали неудачники из тех, что сами не выполнили полётного задания. Елисеев при переходе кинокамеру упустил, в другой раз, состыковавшись с «Салютом», не перешёл в станцию, а Береговой тот вообще не сумел состыковаться. Автомат всё переворачивал его корабль и, если бы он

не помешал автомату, стыковка была бы выполнена автоматически. Только он, бывший Героем и до полёта, вручную переворачивал корабль.

В свое время Мотин прошел предполётную подготовку и по кораблю и по станции. Сложность причаливания на этот раз состояла в том, что станция вращалась. Приходилось выполнять облёт, её отслеживая.

Что это? Кажется, остановились или только показалось?... Убираю отклонения, подстраиваюсь... Продолжаю облёт. Господи, какая яркая станция... и красивая... Раскрашенная...

---

¹⁰ АСЕ – Алексей Станиславович Елисеев – руководитель полётов и службы гражданских космонавтов в семидесятые годы.

Есть касание. Чувствительный толчок... Не сумел, как следует, скорость погасить и от этого такие мощные колебания.

Мотин словно сам в эти минуты сделался стыковочным механизмом, он прямо-таки на себе всё чувствовал: вот головка штанги попала в приёмное гнездо. Сцепка.

Амортизаторы погасили продольное движение. До сцепки работают двигатели ДПО, подталкивают корабль навстречу станции, хотя этого на этот раз и не требуется. Корабль и так подошёл к станции на скорости. Управление движением корабля на этом закончилось. Заработал привод втягивания штанги. Штыри вошли в гнезда стыковочных шпангоутов, произошла стыковка электрических и гидравлических разъемов. Сжались герметизирующие кольца, но какие они, в каком состоянии, имеются они или вообще отсутствуют, ведь стыковка корабля не предусматривалась?

Со стороны всё получилось очень просто. Корабль, отслеживая поворачивающуюся станцию, состыковался с ней со стороны модуля «Квант». Жан даже зааплодировал сверхскорому осуществлению своего желания. И теперь, пока происходили стягивание и наддув, он старался не думать о переходе, чтобы не сглазить. Он, конечно, не очень-то верил во внушение и гипноз, а иначе попытался бы внушить Сергею не ограничиться стыковкой и посетить станцию.

Командиру теперь следовало принять решение. Ждать положенные сорок минут он не мог. Он хотел поскорее забраться в станцию, отыскать, если выйдет, тросовую систему, дожидаться сеанса связи и решить всё с Землёй. Хорошо бы к тому же, разумеется, провести экспресс инспекцию станции. Что там есть – вода, воздух, еда? Пригодна ли станция для жизни? Правда, у них с собой не было анализатора, определяющего пригодность атмосферы. Посещение безжизненной станции станет для них разведкой боем: нырнуть в неё, вдохнуть... Но к чему это приведёт, трудно заранее сказать? С герметичностью же не стоит «ловить блох». Сгонять туда-сюда, оставив остальных в корабле.

– Дамы и господа, – собрал он всех в БО, – нам исключительно повезло. По просьбе публики мы не только увидели станцию, но и попытаемся войти в неё. Станция полтора десятка лет не посещалась, болтаясь в космосе, и неизвестно, что нас теперь в ней ждёт. Поэтому приказываю вам оставаться здесь, а её инспекцию я поручаю себе. Если через пару минут я не вернусь, откройте люк и тащите меня сюда. На время задержите дыхание. Сейчас проверим, как это получается у вас?

Как ни объясняла, ни причитала Софи, доказывая, что ей-де это просто необходимо, как не просился с Сергеем взглядом Жан, командир опять-таки им грубо отказал. Про себя он уже заметил, что грубость действует на них самым активным образом, вызывая защитную реакцию. Уговоры и доводы слабо бы помогли. Он сделает, как решил, а потом непременно проверит как следует герметичность. Не оправдаться иначе

на Земле; будешь ходить по дисциплинарным комиссиям, где каждый вправе тебя спросить: «Вы что? Безграмотны или самонадеянны?»

Прождав отведенные четверть часа и не отметив спада давления, Сергей открыл крышку люка и влил в станцию. Он щелкнул тумблерами, включая дежурный свет, однако не тут-то было. В станции можно было пока обойтись и без электричества. Рассеянный свет проникал в неё через иллюминаторы. Его поразили размеры пространства станции. Воздух в ней казался чистым, но сырым и прохладным с лёгкой технической примесью запаха нежилого помещения. Выяснив это, Сергей вернулся к люку и предложил остальным следовать за ним.

Тесным коридорчиком переходной камеры они попали в рабочий отсек. Причем Сергей вплыл спиной к стене, и с любопытством отметил относительность привычных понятий – бок, низ, верх. Проплыл отсек и

по земной привычке к завис над пультом, и разом всё сделалось обычным.

У Софи создалось ощущение, словно из тесноты корабля она попала в огромный зал, и пугавшее чувство сжимающегося объема отступило вдруг от неё и пропало.

Жану же бросилось в глаза, что это брошенный дом. Здесь долго жили и оставили следы: припиленные иллюстрации, предметы на ворсовках, брызги сока на стенах в районе стола. Посредине жилого (базового) блока, на переходе, где сочленились малый и большой отсеки, встретился тренажер – беговая, в бортовой терминологии «бегущая» дорожка, по которой, готовясь, они столько бегали на Земле, и Жан захотел начать станционную жизнь именно с неё.

– Теперь слушайте, – командовал Сергей, – переносим грузы с корабля.

Он решительно пресёк поползновение Жана, и тому ничего не оставалось, как отправиться с Сергеем в корабль, потому что Софи возвращаться в «Союз» наотрез отказалась.

– Повезло, – разговаривал сам с собой Жан. – Хорошо, расчудесно и гипноз подействовал.

Подобно многим подросткам в переходном возрасте он был весьма недоволен собой. Когда от бездумных игр пару лет назад он вступил, наконец, в осознанную жизнь, то поначалу выбрал кружок гидробиологии, где изучались водные растения и животные. Он участвовал в олимпиадах, изощрялся в решении задач, придуманных популяризаторами. В его характере было всезнание, он словно губка втягивал сведения в себя.

Порой они были бессистемны и отрывочны и сохранялись цепкостью памяти. Однако умело ими пользуясь, он даже преуспевал, побеждая на конкурсах, и непременно бы зазнался, если бы окружающий его мир ограничился окружением взрослых. В детской же среде ему изрядно доставалось «за высовывание» и в основном за изнеженность лабораторной мышки. Он неизменно уступал в неизбежных стычках и потасовках, пока не заставил себя вступить в местный спортивный клуб, хотя времени на всё про всё ему катастрофически не хватало.

Вначале, чувствуя полное бессилие, он просто висел на кольцах. Но постепенно, работая на снарядах и бегая по бегущей дорожке, окреп и приобрел даже вкус к соревнованиям.

Спортивная гимнастика не только тем полезна для подростков, что развивает мышцы, но представляя последовательно результаты, укрепляет дух и вырабатывает характер. Конечно же Жан в этом особенном переходном возрасте был влюблён, и его тайные симпатии обращались к девочке-подростку, занимавшейся в соседней спортивной группе.

И теперь бегущая дорожка в станции была и напоминанием и первой ступенькой жизни на станции, в пятистах километрах (об этом страшно даже подумать) от Земли.

Пока командир и Софи с инспекторским видом плавали по станции, Жан, привязавшись и подогнав тяжи, бойко засеменял по дорожке. Как хорошо двигаться после вынужденного бездействия, разогнать кровь... Он тут же

почувствовал в голове необычные толчки, но пересиливая себя и выказывая характер, не остановился и то бежал, то подпрыгивал. Ему очень хотелось вот так, по-спортивному встретить Сергея и Софи, когда они вернуться.

Во время прыжков Жану даже показалось, что он теперь одно целое со станцией: комплекс пришел в движение, заходил, заколебался. Словно на качелях, Жан вкладывал усилие и получал отдачу. Внезапно он услышал противный скрежещущий звук, таким в фильмах ужасов сопровождается опасность. Ему вдруг сделалось дурно, и он потерял сознание.

Что же предписывалось инструкцией при посещении станции? Сначала беглый осмотр, обзор приборной доски и других постов, расконсервация системы обеспечения газового состава, прокладка воздухопроводов, но прежде всего по-житейски, как водится, всё обезать.

Передвигаться по модулям приходилось в полумраке. Свет все-таки попадал через иллюминаторы. Да, и ночная сторона не выглядела кромешной тьмой. Вспышки молний на земле (а их оказалось немало) освещали интерьер.

Попривыкнув глаза обходились этим случайным светом. Молнии освещали и через облака; тогда они выглядели световыми пятнами на облачном экране и ширились дрожа. Местами формой своей они напоминали первые дождевые капли, упавшие на сухой тротуар, местами сливались в пляшущее море огня. И оказалось, на земном шаре – немало гроз, и эта природная случайность – постоянный источник света для летящих по орбите, на её ночной стороне.

Скрежет разнесся по всем модулям сразу. Передавался он по металлу, по металлическому корпусу и трудно было понять – откуда звук? Сергей вернулся в рабочий отсек. Так его называли с тех пор, когда он собственно и представлял станцию. Потом с прибытием модулей его стали называть жилым или базовым блоком. Он тотчас нажал клавиши КСУ¹¹ и окликнул Жана. Но безрезультатно. Молчало холодное КСУ, и в станции было темно, лишь молнии подсвечивали через визир, и Жан молчал. Вплыла Софи и обнаружила обмякшее тело Жана.

Темно было в станции, но вот, наконец, комплекс вышел на свет. Засветился визир космонавта и в нем с удивлением Мотин увидел «Союз».

«Откуда корабль? Что за чертовщина?»

И тут же он с ужасом осознал, что это – их «Союз», отстыковавшийся от станции, хотя он не мог даже представить себе причину случившегося. Беда, как водится, не приходит одна. В отсеке снова стало темно, хотя станция двигалась теперь по освещенной части орбиты. Комплекс отвернулся от Солнца, и в визир смотрело звездное небо, куда более тёмное, чем ночная сторона Земли. Но вот засветилось «окошко» первой каюты. Софи отдернула занавеску. Лицо Жана, которого поместили в кабину, было совсем не белым, как при обычном обмороке, а красным – кровь прилила к голове.

Наконец Жан слабо зашевелился, спросил:

– Что со мной?

– Лежи, – сказала Софи. И это прозвучало странно. Стоял теперь Жан в кабине, лежал или висел – теперь это вряд ли кто-нибудь бы определил.

– Нет, не лежи, – возразил Сергей, – а непременно маши перед собой рукой. Вот сделаем веер тебе, а пока так маши возле лица, иначе задохнёшься.

И Софи чувствовала – не хватает воздуха. Она принялась махать, словно разгоняла дым. Вентиляторы не работали, отсутствовало перемешивание, и вокруг каждого возникал удушающий мешок выдохнутой углекислоты.

Перемещая Жана в кабину они зацепили кабель, который вёл себя, как живой. Он вился, путался, образовывал немислимые петли, и поведение его было непредсказуемым.

Силы всех уже были на пределе. Их неуклонно тянуло ко сну. Но заснуть теперь было равносильно самоубийству. В чем же причина? Отчего станция непослушна? Не проходила ни одна из простых или важных команд. Что-то творилось с кабельной сетью. Она составляла десятки километров. Всё запанельное пространство было забито жгутами проводов, а ведь была ещё скрытая проводка. И копать в них – было то же самое, что искать в организме тромб. Мотин стал действовать самым примитивным способом – соединять напрямую источник и потребителя.

Дождавшись тени, когда солнечные батареи были обесточены, он протянул кабель к паре вентиляторов, светильникам и СТР. При этом он знал, помнил, что время сеанса связи приближается, и главное в их теперешнем положении – наладить связь.

---

¹¹ КСУ – контрольно-сигнальное устройство

Свободные кабели были использованы. Но Мотин знал, что для работы в открытом космосе был заготовлен специальный двадцатиметровый фал и другие короткие, которые следует наращивать.

В модуле дооснащения Мотин приметил автономный аккумуляторный блок. Его было некогда проверять, разыскав тестер, его нужно было просто доставить сюда и подключить в темноте. И это тоже было проблемой. Но это не всё. Люди есть люди. Софи вот-вот понадобится корабль. Но как объяснить, что корабля нет, и им предстоит долгий путь, который, возможно, и не приведёт к Земле.

Слабость Жана прошла, но ему было невдомек, отчего в станции темно и всхлипывала Софи.

– Сергей, – сказала Софи.

Ответа не было. Тогда она повторила.

– Командир.

Он снова ей не ответил, и она заплакала. Жан притворился неслышащим. В темноте это было нетрудно. Он понимал, что Софи в темноте чувствовала себя ужасно одиноко. Но он не умел сочувствовать и молчал, а она всхлипывала, продолжая махать рукой. Вдруг разом посветлело в иллюминаторах, и из люка, толкая ящик перед собой, словно сам плыл

за ним на буксире, появился Сергей. Вспыхнул дежурный свет, и всё сделалось обыденным. Свет высветил испуганное лицо Софи, любопытное Жана и озабоченное Сергея.

Мотин возился подле тренажёра, подключая буферный блок, затем исчез и вновь появился с большим вентилятором. Вскоре в отсеке зашелестел спасительный ветерок, и можно было не махать руками, а дышать и действовать. На свету аккумуляторы подключили на подзарядку от солнечных батарей. Временами за панелями слышался слабый треск. Отыскав в пояском патронташе отвертку, Сергей начал отворачивать винты панелей.

Он взялся было по-земному, вставил отвертку в шлиц винта, но сам повернулся вокруг него. И ничего не понял. Повернувшись, он оказался в новом положении и не сразу сообразил: где и что с ним? Их дальнейшие действия со стороны напоминали сказку про «Репку»: «дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабушку...» Они держали друг друга, а последний с отверткой вывинчивал винт. Так они сняли панель и обнаружили ужасную картину.

Всё запанельное пространство было целиком заполнено: блоки, разъемы, множество кабелей. Должно быть когда-то из этих свободных мест сделали склад. Пустоты между кабелями забили до отказа приборами. Местами теперь здесь сверкали искорки. И непосвященному было ясно, что кабели коротят и самое лучшее поскорее их отключить. Однако в станции всё – электрическое и зависит от питания.

Они приволокли в рабочий отсек все автономные аккумуляторные батареи, собирая их по модулям, Мотин соединил их с разъемами солнечных батарей, делая их буфером и пытаясь запитать необходимое. Солнечные генераторы работали плохо. Батарея по третьей плоскости оказалась невращающейся, у других привод не работал, и по отношению к Солнцу они занимали случайное положение. Однако и это было уже кое-что. Самодельный кабельный «паук» теперь вел к СТР, светильникам, вентиляторам и к свободной розетке.

Софи, разумеется, понимала, что что-то произошло. Но что? В космосе всё возможно. Недаром ее пугали: «русская техника на верёвочках».

Она как-то видела забавный мультипликационный фильм. Сначала взрывы «Авангарда», затем на опушку леса в фильме выехала лошадь с телегой. В телеге русский в косоворотке и с балалайкой. Остановились, он начал городить друг на друга привезённые банки, вот чиркнул спичкой, поджёт. Баночное сооружение дрожит и медленно отрывается от земли. Поползла вверх баночная пирамида. Зависла. Работник её озабоченно осмотрел: оказывается, зацепилась за веточку. Он оборвал веточку, и пошло-поехало. Выше и выше. И вот над миром, над Землей: «бип-бип-бип» – сигналил первый советский спутник.

Она потом всерьез спрашивала: примитивна ли русская техника?

Ей отвечали: нет, она – надежна, а иногда предельно упрощена, и это тоже служит надежности. Теперь ей нужно было вернуться в корабль, но ей было страшно, очень страшно. Софи вспомнилось охватывающая теснота и волны страха от сдвигающихся стен, накрывающие её с головой. Люк «Кванта», ведущий к кораблю, был закрыт, должно быть для проверки герметичности. И об этом никто её не спросил: закрыли и все. «Не реагируй на мелочи, – приказала себе Софи, как советовали правила аутогенной тренировки. – Проведи урок и считай часы до того, когда всё это закончится».

Жан смотрел в иллюминатор. Но что за галлюцинации? К иллюминатору подходил корабль. Станный, без стыковочного штыря. Подошел, ткнулся в иллюминатор, отскочил, снова ткнулся, словно телёнок в брюхо матери.

Сергей продолжал возиться с аккумулятором и был чем-то недоволен. Он только буркнул на вопрос: перестыковываемся, не герметично состыковались в первый раз. Светильники он отключил, и в эту тень в отсеке была темнота. То, что Жану казалось необъяснимо странным, Сергею было очевидно с первого взгляда. Корабль оторвался со стыковочным фланцем станции. Из-за усталостных трещин он видно стал слабым местом комплекса, а Жан прыжками на дорожке скорее всего вогнал систему корабль-станция в резонанс, и расплзлась усталостная трещина. Фланец разорвался. Корабль стал самостоятельным. От бездонного космоса их теперь отделял всего лишь люк «Кванта». А «Союз», не получив относительной скорости, болтался вблизи. Но если даже и получил, то поперек плоскости движения и будет вынужден дважды на витке возвращаться к станции.

В суете и неразберихе и из-за неопытности они только часть вещей перенесли в станцию, остальные были теперь безвозвратно потеряны с кораблём. Впервые станция оказалась с экипажем и без транспортного корабля, и как следствие этого – без возможности вернуться на Землю.

Связь с Землёй ожидалась с минуты на минуту. О ней заботился командир. Избыточность связных возможностей (УКВ, дециметровый и сантиметровой диапазоны, каналы телевидения) практически исключали отказ, к сеансу связи оставалось лишь подвести питание, да убедиться в наличии самих приемно-передающих устройств. Все это он успеет сделать в оставшиеся полтора часа, но помимо этого следует решить и психологическую задачу – объясниться с пассажирами, сказать им ужасную правду или выдумать что-нибудь правдоподобное.

Сергей помнил, что со станцией в своё время была проблема, когда её поднимали на консервирующую орбиту. Тогда с ней изрядно помучились. Сбои объясняли эффектом активного Солнца и преждевременным старением. Время от времени с кораблём пробовали проводить сеансы, подавали серии включающих команд, но станция быстро глохла, и на неё махнули рукой.

Сергей был типичным продуктом существующей системы. Из соображений секретности его инструктировали – видеть только своё и не обращая внимания на чужое, лежащее рядом, зачастую на соседнем столе. Как правило, он так и поступал, а теперь от энания этого «рядом» зависела их жизнь. Связь с Землей превратилась в условие их реального существования.

Метаморфозы с исчезающим контактом он объяснил тотальным замыканием, то исчезающим, то самовосстанавливающимся. Он понимал, что необходимо напрямую подвести питание. Но к чему и как подключить передающий борт? Схем под рукой на станции не было. Где их искать? Кроме того, запанельные пространства представляли собой забитую кладовку. Все побывавшие на станции экипажи (около полусотни человек) пытались многое сохранить для себя, не отправляя в пиропереработку с очередным отходящим грузовиком, пожалеть совер-

шеннейший научный прибор, оборудование, с которым сроднился в долгом полете и которое выбросить не поднималась рука. И поэтому многое отправлялось до лучших времен в западные пространства, наслаивалось в его нишах и неровностях. Это делало невозможным доступ к проводке даже в случае полнейшей схемной ясности.

Инструкцию по расконсервации они обнаружили сразу, как вошли в станцию. Привязанная на самом видном месте, она распушилась «аккордеоном» в невесомости. Но где остальная документация? Её следовало искать.

– Разлетаемся по модулям, – командовал Сергей. – Каждый берёт светильник с удлинителем. Цель поиска – инструкция в красной обложке: «Ремонтные и профилактические работы».

Бортовую библиотеку оказалось было найти не сложно. Обнаружили её в технологическом модуле.

– Открываем «Средства связи»: замена радиопередатчика. Жан, читай, а я буду действовать. Погоди, кабель подведу...

Что здесь можно прочесть? Квадратики, крестики, а если встретятся слова, то на птичьем языке. Жан и Софи были озадачены. Они гордились знанием русского языка. Для них знание языка было предварительным условием. Но то, с чем встретились они в боржурнале, поставило их в тупик, однако не смутило Сергея.

– Читайте, как есть, – весело командовал он. – Ничего особенного. Это полётный язык. Записано экономно и коротко. «Вкл.» означает включить, «Откл.» – выключить. Поначалу писали «Выкл», но по связи путали, неясно получалось. Читайте, как есть, я разберусь.

Во всем имелись свои проблемы. Многоштырьковые разъёмы подходили лишь каждый к подобному, но им повезло и к сеансу связи всё-таки удалось соединить блоки связи с источником питания, и теперь осталось дожидаться этих волнующих минут.

– Заря, как слышите? Это – «Близнецы».

Сергей назвался позывным, как положено, хотя не всё ли равно как теперь называться. Они – одни космосе.

С их позывными вышла история. Ушли, канули в Лету времена героических позывных. Им предложили выбрать самим, и они заспорили. Софи предложила выбрать «Фламинго» не из-за красоты звучания. Он ей напоминанием незабываемое тихое утро – нежнейший перламутр, и над зеркальной гладью залива летящие фламинго. Это случилось с ней на Багамах и было даром небес, даривших беспричинное счастье картиной неведомых фламинго, бесшумно скользивших над розовой водой в её первом взрослом учительском вояже. Фламинго летели слаженно и бесшумно, точно души ушедших над землей. И позывной стал бы для неё воспоминанием. Она спросила:

– Нравится?

– Ничуть.

Славное было время. Спорили по любому поводу до умопомрачения.

– Почему?

– Клюв у них – подозрительный, а окраска – вызывающая.

Вот и толкуй. А Софи нравилась редкая неуклюжая грация длинноногих птиц, милым казался клюв, удивительными перья цвета зари, не перекрашенные эволюцией.

– Это не аргумент.

– Вот полюбуйтесь, – не поленился притащить Жан «Двадцать тысяч лье под водой». – Сейчас прочту о любимом блюде Виталия.

– Но это здесь причём?

– Нет, вы послушайте. Из хейлин – костистых рыб с прозрачной чешуей, синеватого цвета в красных пятнах... Их внутренности, – читал с удовольствием Жан, – приправленные молоками мурен, мозгом павлинов и языками фламинго, составляли дивное блюдо... Вот так, – резюмировал Жан, – а мне, представьте себе, не хочется обзывать блюдо.

– Ради бога, – не обиделась Софи, – а ваши предложения?

– Я бы назвался эпишурой, – задумчиво произнес Сергей, – Есть такой мелкий рачок – труженик в Байкале. Очищает воду озера.

– Тоже мне рачок-ассенизатор. Жан, а по-твоему?

– Например, медуза..

– Холодное, липкое, скользкое, – вздрогнула Софи, – и голова Медузы-Горгоны...

– Ну, пусть «лягушки».

– Французов и так дразнят лягушатниками.

– Дураки дразнят. Лягушки – символ овладения стихиями. Земноводные овладели землей и водой и проникают в третью, в квинтэссенцию – космос.

– И просто: на позывной отвечаем – ква-ква.

– Скорее, уорр, уорр.

Долго ещё спорили, потом решили выяснить свои знаки зодиака.

И оказалась, что Жан – Овен, Софи – Телец, Сергей – Весы. Даты сложили, поделили на три и вышли «Близнецы».

– Близнецы, это – не плохо.

– И мне нравится.

– Решено. Отныне мы – «Близнецы».

Наверху сначала поморщились: «Близнецы» были уже.

Потом махнули рукой. «Близнецы», так «Близнецы». Софи откопала сведения про «Близнецов». Они – сыновья Зевса и Леды, покровители дружбы. Появление на мачтах огней Св. Эльма считалось знаком посещения Близнецов их сестрой – Еленой Прекрасной. А попутно поинтересовалась Овном, Тельцом и Весами.

Золотое руно принадлежало Овну. Златорунный Овн спасал внуков бога ветров Эола: внука спас, а внучку уронил в Геллеспонт. Так что очень надеяться на Овна – Жана не стоит. Исаак Ньютон написал книгу об аргонавтах, отправившихся за золотым руном. По-Ньютону, описание действительного плавания стало основой древнегреческого мифа.

Верховного бога Нового царства Египта Амона – Ра изображали с головой Овна, греки отождествляли Амона-Ра с Зевсом. Словом, Жан, видимо, далеко пойдет.

С собой Софи предпочла не углубляться, назвала только лишь звезду Альдебаран, да Крабовидную Туманность – остаток вспышки Сверхновой в 1054 году – с теперешней нейтронной звездой. Весы сами по себе были символом уравновешенности и справедливости – комплементом Сергею.

Итак, Близнецы. Но близнецов зодиакальных было двое – Кастор и Полидевк, и у них получился «третий лишний», но кто? Они заспорили: бывает ли трое близнецов? Бывает, но редко; тройня в сотню раз реже двойни. Ну, так что же, будем считать себя редкими людьми.

– Заря, это – Близнецы. Слышите меня?

Сергей вызывал, но Земля не откликнулась, и тут ему в голову пришло, что зоны теперь сдвинуты и нужно дожидаться следующего витка.

В это время в подмосковном Центре управления полетами творилось невообразимое. Зал управления космическими аппаратами не напоминал теперь прежнее строгое учреждение, а был скорее похож на биржевой операционный зал. Десятки опекаемых автоматов с графиками и их движений и перечнем обслуживающих команд исключали возможность логического понимания их функционирования и представляли собой набор тщательно спланированных

выводов анализа и ответных команд. Со стороны работа зала казалась жизнью гигантского замкнутого муравейника.

На дисплеях операторов, а временами и на центральном экране разноцветные точки отражали движение аппаратов по орбитам, проектирующимся голубыми синусоидами на карту мира. Сменный руководитель полета наблюдал, как правило, сводную картину, а отдельные операторы только курируемый объект. Столбики цифр сообщали о нём всё, что требуется, но были китайской грамотой для непосвященного. Оператор связи с пилотируемым кораблем появлялся в зале лишь в узкие интервалы окон связи, проводя остальное время в опостылевшей комнате вспомогательного персонала служебной зоны Центра, в курилке или в буфете. В этот раз он еле успел к текущему сеансу связи, потому что буфетчице нужно было принять товар, и ей было наплевать на все эти графики, расписания и сеансы. У неё, мол, свои собственные заботы.

Он успел к сеансу и, пропустив квитанции выданных команд, начал вызывать экипаж. Однако ответа не было. Передатчик включили с Земли, но экипаж так и не вышел на связь, а может и вышел в самом конце, что-то вроде прозвучало в шумах. Оператор «Зари» отписал замечания и рекомендацию включить ретранслятор и попытаться связаться с кораблем вне зоны прямой видимости следующего наземного пункта.

По данным пунктов слежения (только два из них были задействованы на этот раз) получалась противоречивая картина. Один из них подтвердил планируемую орбиту, второй посчитал орбиту несколько ниже и доложил о необходимости срочного маневра подъема орбиты. Впрочем, данные относились к витку после выведения, новые измерения теперь обсчитывались.

Криминала в невыходе экипажа на связь на восьмом суточном витке не было. Космонавтам обычно предоставлялось право самостоятельно решать: выходить им на связь с Землёй или нет? И, как правило, задёрганный и затырканый, оказавшись на рабочей орбите, он не связывался с Землёй, предпочитая свои дела, но при этом внимательно слушал. Поэтому оператор «Зари» несколько раз повторил рекомендации по маневру, а после сеанса поднялся в планирование – выяснить возможности ретранслятора. Теперь после перехода на хозрасчет требовались веские обоснования необходимости дополнительных затрат и трудно было однозначно сказать: удастся ли выбить ретранслятор?

После перерыва в связи случилось непредвиденное: объект наблюдения – «Союз» был потерян. Корабль провёл срочный маневр подъёма орбиты. В очередные окна он опять-таки не вышел на связь. Это внушало тревогу. В подобных случаях следовало действовать согласно Правилам международного космодвижения.

Были оповещены и запрошены международные службы движения. Но полученные вскоре данные ничего не прояснили и не добавили к известному. Корабль болтался на высокой орбите 462,7 километров (вместо заданной – 290 км) в 300 километрах впереди по полету от станции «Мир». Борт корабля был вначале выключен. Его включили с Земли, но стало еще непонятней. Всё было вроде бы нормально на корабле, но экипаж отсутствовал. Затем поступило уточнение, что атмосферы в корабле нет произошла разгерметизация.

Тщательная телеметрия подтвердила – чуда не будет, надеяться не на что. Кто-то ответственный должен был объявить теперь, что экипаж погиб. Специалисты по СОЖу¹²

---

¹² СОЖ – система обеспечения жизнедеятельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.